

А.Титаренко

**АНТИКИТАЙСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ:
БЫТОВАЯ СИНОФОБИЯ, ИНТЕРЕСЫ ЭЛИТ, ВНЕШНЕЕ ВЛИЯНИЕ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2020-4-103-115

В настоящее время усиление антикитайских настроений становится существенным фактором внутренней и внешней политики Казахстана. Этот процесс в перспективе может стать одной из предпосылок дестабилизации ситуации не только в республике, но и в Центральной Азии в целом.

Различные аспекты данной проблемы являются предметом изучения таких авторитетных российских и зарубежных ученых и экспертов, как Д.Б. Малышева [1], К.Л. Сыроежкин [2], Р.Ю. Изимов и З.Т. Мураталиева [3], Т. Мамырайымов [4], Д. Сатпаев [5], Ю.В. Кулинцев [6], А.Ю. Дубнов [7] и других. В данной статье автор стремился провести комплексное исследование причин, особенностей и перспектив нарастания антикитайских настроений в Казахстане, его влияния как на внутреннюю и внешнюю политику РК, так и на реализацию интересов России в республике и в регионе Центральной Азии.

«Бытовая синофобия» в Казахстане, ее причины и особенности

В основе роста антикитайских настроений в казахстанском обществе лежит бытовая синофобия, связанная с настороженным отношением широких масс населения к набирающей экономическую и военную мощь соседней глобальной державе, активно осваивающей богатые природные ресурсы и транспортно-логистический потенциал Казахстана в рамках долгосрочной программы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Многие казахстанцы опасаются демографической агрессии со стороны КНР и поглощения своей страны восточным соседом. При этом, как показывают опросы, уровень синофобии в районах, не граничащих с Китаем, гораздо выше в силу отсутствия тесных экономических связей с КНР и опыта непосредственного взаимодействия с китайцами [8].

Настроения настороженности и открытого страха в отношении великого восточного соседа имеют в республике определенную историко-культурную подоплеку. В свое время казахские племена, пусть и без «большой крови», неоднократно конфликтовали с властями и вооруженными силами западных провинций императорского Китая, особенно после краха в XVII веке Джунгарского ханства. Память об этих

конфликтах не могла не наложить отпечаток на восприятие Китая рядовыми казахстанцами. Кроме того, в среде казахстанских ученых бытует мнение об искусственном насаждении синофобии в советские времена; ряд экспертов заявляют, в частности, что «советское руководство умышленно подогревало антикитайские настроения, в том числе в литературе и искусстве» [9].

После развала СССР и обретения независимости, на фоне стремления «избавиться от колониального прошлого» Астана взяла курс на выстраивание «многовекторной политики». Официальный Пекин, несмотря на наличие инструментов наращивания экономического влияния, в том числе на низовом уровне, в 90-е годы крайне осторожно подходил к расширению и закреплению своих позиций в Центральной Азии, воспринимая этот регион как традиционную сферу интересов России. В этой связи в правящих кругах РК, пытавшихся любой ценой обеспечить желанную многовекторность, большие надежды возлагались на развитие связей с США, ЕС, Турцией, арабским и в целом исламским миром.

В этой ситуации антикитайские настроения проявлялись sporadически; руководство и население Казахстана переживали эйфорию «большой нефти», всерьез рассматривая страну как «вторую Саудовскую Аравию» и рассчитывая, что ее нефтяные ресурсы станут важным фактором в мировом энергетическом балансе. После того как в конце 1990-х гг. Вашингтон объявил Астану своим «стратегическим союзником в Центральной Азии», а в начале 2000-х ввел войска в Афганистан и создал базы в Киргизии и Узбекистане, в республике возникла иллюзия надежной защищенности от попыток экспансии со стороны как России, так, особенно, и со стороны Китая. Высокопоставленный казахстанский дипломат Т. Калиев указывал, что «непредсказуемая ситуация на энергетических рынках, в частности, ближневосточном, заставляет Америку искать надежную опору в нашем регионе, и в Вашингтоне есть устойчивое понимание, что Казахстан является естественным союзником США» [10].

Однако вскоре наступило отрезвление: политические и деловые круги Казахстана начали понимать, что надежды на взаимодействие с Западом были завышенными. Страны Запада в качестве условия сотрудничества выдвигали требования политических реформ, что было неприемлемо для казахстанских элит. Попытки опереться на исламский мир, как продемонстрировало развитие событий на постсоветском пространстве, могли привести к распространению радикального исламизма и появлению на территории страны базы для террористических группировок. В результате Казахстан, продолжая политику многовекторности, стал уделять основное внимание российскому и китайскому направлениям. В этой ситуации Пекин, не встречая противодействия со стороны Москвы, начал активнее расширять связи с Астаной и продвигать проекты сотрудничества

на льготных условиях без предварительных политических требований. Как отмечал казахстанский эксперт А.Машаев, «Казахстан, как периферия, не может рассчитывать на самостоятельный экономический подъем, мы обречены на “догоняющее развитие”. И экономика будет всецело зависеть от того, какие технологии нам передаст центр, какое место в цепочке добавленной стоимости позволит занять. Раньше для нас центром была Россия, сейчас мы идем под крыло Китая. В том числе через проект “Пояс и Путь”» [10].

Нынешний этап усиления синофобии напрямую связан с ростом экономической активности КНР в РК. Постоянное расширение китайского присутствия в экономике Казахстана наблюдается с конца 1990-х гг., но принятие Пекином концепции «Один пояс, один путь» придало ему новый импульс. Для успеха ОПОП необходимо освоение ресурсов Центральной Азии, в частности Казахстана; неслучайно эта инициатива была впервые представлена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. именно в Астане. Руководство республики со своей стороны при помощи участия в ОПОП рассчитывало не только обеспечить развитие экономики, в частности, реализовать свои планы развития, воплощенные в программе "Нурлы жол" [2, с. 112-113], но и решить внешнеполитическую задачу – сблизиться с Пекином на фоне усугублявшегося конфликта между США и Россией, который, как опасались элиты в Астане, мог задеть и Казахстан.

Результат получился неоднозначным. С одной стороны, участие в ОПОП приносит Казахстану ощутимые выгоды, помогая развивать транспортный и промышленный потенциал и решать социальные задачи. С другой стороны, решения по сотрудничеству в рамках ОПОП принимаются без консультаций с населением: к примеру, пресловутый «проект 55 предприятий», который предполагает создание на территории Казахстана промышленных производств при финансовой и технической помощи КНР. Принципиальная договоренность о нем была достигнута еще в 2014 г. по итогам заседания Совета глав правительств ШОС в Астане в рамках сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» с новой экономической политикой «Нурлы жол» (что неудивительно, так как эта программа изначально разрабатывалась с прицелом на интеграцию с «Поясом и путем»), в 2016 г. составлен перечень проектов, в 2019 г. договоренность была подтверждена в ходе визита в Китай новоизбранного президента РК К.-Ж.Токаева. В итоге все крупнейшие экономические проекты Казахстана сейчас связаны с КНР [3, с. 131]. При этом население не информировано ни о темпах, ни о перспективах программы; из 55 проектов пока реализованы только 15 (причем в этот список включается и покупка китайскими компаниями доли в казахстанских активах [11]), 11 находятся в процессе реализации, к работе над 27 еще не приступали [12].

Учитывая, что одним из важных факторов изначально положительного отношения населения к ОПОП было обещание создать в рамках «проекта 55 предприятий» 20 тысяч рабочих мест, понятно растущее недовольство общей непрозрачностью действий властей. Среди населения Казахстана все шире распространяется мнение, что Пекин не собирается инвестировать в создание в республике современных высокотехнологичных конкурентоспособных предприятий, а планирует лишь перенести в Казахстан избыточные мощности, в частности опасные производства с устаревшим оборудованием, которые будут обслуживаться завезенными из КНР рабочими и продукция которых будет экспортироваться в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Существуют опасения, что Казахстан превратится в сырьевой придаток китайской экономики: и без того более 90% экспорта Казахстана в Китай составляют нефтепродукты, металлы, химическая продукция и минералы. При этом республика зависит от импорта наукоемких китайских товаров.

Тревогу среди населения вызывает и то, что все эти проекты реализуются за счет китайских кредитов, что в перспективе может привести к попаданию Казахстана в критическую долговую зависимость от Китая. Сейчас Нур-Султан должен Пекину 10 млрд долл., но падение цен на энергоносители, продукцию сырьевых отраслей, как следствие эпидемии коронавируса, явно приведет к резкому снижению экспортной выручки РК [13], а это чревато дальнейшим усилением зависимости от КНР и возникновением угрозы суверенитету республики. Это вызывает рост недовольства засильем китайцев в экономической сфере и ведет к открытым проявлениям синофобии [11].

Еще один важный повод для беспокойства – возможная передача китайцам земли во временное или постоянное пользование, причем как на уровне отдельных граждан или организаций, так и в процессе изменения в пользу КНР линии государственной границы; слухи об этом привели к массовым протестам в 2016 г. Вопрос передачи земли, как правило, соседствует с опасениями относительно возможной демографической экспансии КНР; официальные цифры китайского присутствия (4433 китайских специалиста из 21 тыс иностранных рабочих по состоянию на 1 октября 2019 г. [14]) воспринимаются как заниженные, несмотря на очевидную нелогичность массовой трудовой миграции в Казахстан из Синьцзяна, где минимальный размер оплаты труда в два раза выше.

При этом на экспертном уровне реализация этих угроз рассматривается как крайне маловероятная. Так, эксперты указывают, что непрозрачность экономических отношений – не специфическая черта казахстанско-китайского взаимодействия, она сформировалась как явление еще в 1990-х гг., причем в отношениях с западными добывающими

компаниями [5]; что для казахстанской экономики в принципе характерна сырьевая экспортная ориентация (70% всего экспорта РК приходится на сырье) [11]; что задолженность перед Китаем стабильно уменьшается на 7% ежегодно, и на КНР сейчас приходится всего 7,3% внешнего долга Казахстана [10] (10 млрд долл. [13]); что и Н.Назарбаев, и К.-Ж.Токаев неоднократно заявляли, что землю китайцам передавать не будут [11].

Серьезным раздражителем в двусторонних отношениях являются и разногласия между Казахстаном и Китаем по поводу совместного использования водных ресурсов трансграничных рек – Или, Иртыша, Талима и других. Важность этого вопроса определяется для Нур-Султана в том числе общей для стран ЦА остротой проблемы водопользования и тем, что Китай эксплуатирует эти ресурсы без учета интересов центральноазиатских государств. Дипломатические меры пока ни к чему не привели, а на открытую конфронтацию Нур-Султан решиться не может, опасаясь утратить свободу маневра в рамках пресловутой «многовекторности».

Дополнительные проблемы создает загрязнение окружающей среды китайскими компаниями; казахстанские эксперты и активисты левых взглядов обвиняют китайский капитал в эксплуатации местных рабочих, хищнической добыче природных ресурсов, загрязнении рек и озер. «Непрекращающиеся техногенные катастрофы, в частности, на месторождении Каламкас в Мангистауской области весной 2019 г., а также секретная передача самого крупного месторождения вольфрама в мире китайской государственной компании за спиной народа еще раз показала всем колониальный захватнический характер китайского капитала», – утверждает левый активист Айну́р Курманов [15].

Существенный вклад в рост антикитайских настроений вносит и вопрос диаспоры: с момента провозглашения независимости из Китая вернулось более 150 тыс. этнических казахов, еще от 1 до 1,5 млн сейчас проживают в КНР [16]. Вопрос о положении диаспоры постоянно поднимается в СМИ и обсуждается в кругах интеллигенции: муссируется, в том числе и при поддержке Запада, тема массовых репрессий против мусульман, включая казахов, «лагерей перевоспитания» в Синьцзяне и других нарушений прав человека.

В соответствии с официальной позицией Нур-Султана, никаких проблем с казахской диаспорой нет, информация о «лагерях перевоспитания» не соответствует действительности, а само педалирование этой темы — «это часть геополитики, поскольку Китай и США столкнулись друг с другом в торговой войне» [17]. Эта позиция полностью соответствует позиции официального Пекина, но вызывает недовольство части

национальной интеллигенции, которая напоминает правительству, что вопрос защиты диаспоры является одним из ключевых.

Резюмируя, можно сделать вывод, что степень «китайской угрозы» в общественном сознании существенно преувеличена; тем не менее можно предположить, что в ближайшее время синофобия из общественно-политического поля Казахстана никуда не исчезнет. Очевидно, во многом страхи перед китайским присутствием носят иррациональный характер и связаны не только с синофобией как частным проявлением ксенофобии, но и с высоким уровнем недоверия населения к элитам, которые в представлении масс озабочены не защитой государственных интересов, а попытками обеспечить благосостояние своего клана или группы. Показательно, что экспертное сообщество Казахстана, призванное в числе прочего разъяснять населению политику властей, не в силах переломить эту тенденцию.

Из-за нежелания властей дать рациональное и политически приемлемое объяснение своих действий и неспособности экспертного сообщества справиться с антикитайскими настроениями напряжение в обществе растет, прорываясь в виде антикитайских акций.

В сентябре 2019 г. в Жанаозене начались массовые протесты против китайской экспансии, которые быстро перекинулись на другие промышленные центры. Они проходили под лозунгами «Мы против переноса производств», «Экспансии Китая – нет», «Против аренды казахстанской земли иностранцами», «Отменить изменения в Земельном кодексе» [18], но вскоре протестующие выдвинули новые требования, настаивая на ужесточении внешнеполитического курса в отношении КНР. В Алматы был проведен так называемый «Народный курултай», участники которого потребовали отказаться от совместных проектов, ввести уголовную ответственность за передачу земель иностранным гражданам и провести масштабные реформы. Именно волна антикитайских настроений в феврале 2020 г. привела, как полагают некоторые аналитики, к массовым антидунганским погромам в Жамбылской области [19].

Политическое руководство Казахстана осознает опасность роста антикитайских настроений на бытовом уровне и их проявлений в форме протестных акций. Очевидно, что они могут серьезно навредить отношениям с КНР; как указывают казахстанские эксперты, Пекин вполне в состоянии наказать Казахстан экономически, негативно повлияв на инвестиционный климат в республике и понизив привлекательность Казахстана в глазах иностранных инвесторов [20]. Поэтому после любых антикитайских протестов власти Казахстана демонстрируют восточному соседу, что предпринимают все возможное для того, чтобы подобное не повторилось: так, после драки казахстанских и китайских рабочих под

Алматы последствия инцидента улаживал лично заместитель акима области, а комментарий давал заместитель главы МВД Казахстана [10].

Фактор элит

Однако рост антикитайских настроений вряд ли можно объяснить одной ксенофобией и недоверием к намерениям восточного соседа, превосходящего Казахстан в экономическом и демографическом плане. Очевидно, что синофобия является проявлением также общего социального напряжения в стране, вызванного падением уровня жизни в результате затяжных неолиберальных реформ, приведших к сокращению социальных расходов, недовольством растущим расслоением общества, постоянно вводимыми новыми налогами, инфляцией, отсутствием перспектив и обостренным запросом на социальную справедливость [5]. Это напряжение копилось десятилетиями и теперь проецируется на соседей-чужаков, которые представляются удобной целью для вымещения недовольства. Недоверие к властям, о котором упоминалось выше, приводит к росту обвинений в их адрес: рядовые казахстанцы подозревают свои элиты в сговоре с внешними силами, в том числе с Китаем, в стремлении «продать и предать» население страны в обмен на предполагаемые блага. Любые действия властей в случае спора между Казахстаном и Китаем трактуются в лучшем случае как слишком мягкие, в худшем – как откровенно предательские.

Попытки властей объяснить это недовольство другими причинами лишь усугубляет ситуацию. Зачастую элиты обвиняют население в «невежестве», в излишнем легковерии, неспособности отличить ложь от правды [21]. Эта демонстрация собственного превосходства по очевидным причинам вызывает лишь озлобление людей. При этом внутри самих элит идет борьба за власть, и антикитайские настроения служат ее существенным фактором.

Несмотря на то что процесс передачи власти в Казахстане прошел сравнительно гладко, схватка за сферы влияния внутри политических элит еще не закончена. Далеко не все довольны фигурой К.-Ж.Токаева.

Как отмечают казахстанские эксперты, Касым-Жомарт Токаев «не согласен играть роль пассивного исполнителя, а стремится к полноте собственной власти» [6]. Новый президент Казахстана является профессиональным китаистом, хорошо осознает роль КНР в мире и в регионе и не испытывает ни излишних иллюзий, ни страхов в отношении Китая. Для того чтобы закрепиться у власти, ему необходимо продемонстрировать свои способности в качестве лидера страны — в первую очередь добиться новых инвестиций в экономику, сравнимых с теми,

что приходили в страну при Н.Назарбаеве. Поскольку одним из самых привлекательных инвесторов является Китай, то любые антикитайские акции, способствующие нарастанию напряженности в отношениях Нур-Султана и Пекина, объективно ослабляют позиции Токаева.

В целом можно выделить несколько групп, потенциально недовольных Токаевым и могущих использовать фактор антикитайских настроений для достижения собственных интересов.

Прежде всего, это региональные элиты, опасющиеся утраты влияния в случае решительных действий нового главы Казахстана, направленных на централизацию власти. Определенные признаки этих действий уже есть: Токаева, в частности, подозревают в формировании собственного культа личности, нежелании учитывать сложившиеся при Назарбаеве правила игры, негласные договоренности местных элит и центра о взаимной поддержке в обмен на определенные уступки [22]. Новый президент уже выступал с жесткой критикой местных властей, призвав их не «вести себя как руководители каких-то княжеств», «не изображать из себя крупных начальников» и пообещав в случае несоблюдения его указаний по привлечению инвесторов строго наказать провинившихся [23]. Учитывая широкие возможности региональных элит, их тесные связи с местным бизнесом, прессой, наличие лояльных лично им групп в административном аппарате, не вызывает сомнений их способность вбросить через подконтрольные источники дезинформацию или соответствующим образом поданные материалы, публикация которых может привести к массовому всплеску социального недовольства. Хотя Токаев хорошо понимает важность компромисса с региональными элитами и заранее провел все необходимые встречи и переговоры, чтобы успокоить страсти и обеспечить лояльность местных властей, продолжение курса на укрепление личной власти может в отдаленном будущем привести к росту взаимного недовольства центра и регионов.

Вторая группа – часть политических элит центра, недовольных самим фактом избрания Токаева и проводимым им курсом. Ряд политологов называет в качестве возможных оппонентов Токаева, в частности, верхушку правящей партии «Нур Отан»: новый президент, в отличие от своего предшественника, не имеет тесных связей с партией и, вероятно, планирует расширить представительство других партий в парламенте и, возможно, изменить расклад сил внутри самой «Нур Отан», сделав ставку на другие группы [24]. Анализ внутренних процессов в казахстанских элитах не является целью данного исследования, но сам факт наличия нескольких групп влияния в Нур-Султане сомнений не вызывает, равно как и их готовность использовать фактор синофобии в борьбе за власть.

Наконец, синофобия может стать эффективным средством для контрэлита, стоящих на национал-патриотических и шовинистических позициях, в рамках которых Китай воспринимается как источник перманентной угрозы. Стоит отметить, что влияние этих групп постепенно растет в силу изменений в этнокультурном ландшафте и увеличения доли этнических казахов в населении страны. Наиболее высокую рождаемость демонстрируют сельские районы с преимущественно казахским населением; в перспективе это вместе с наметившейся деурбанизацией может привести к изменению демографического баланса в пользу сельского населения, традиционно более негативно относящегося к чужакам. С этими группами смыкаются религиозные течения исламистской (салафитской) направленности, недовольные курсом Токаева и связанные, по мнению ряда местных экспертов, с частью элит [25].

Парадоксально, но с антикитайскими лозунгами выступают и левые, считающие, что КНР трансформировалась в буржуазное государство и осуществляет неоколониальную политику, поощряя и поддерживая свои компании, которые заняты выкачиванием ресурсов других государств. По их мнению, Китай занят таким же грабежом, как и западные страны, сотрудничая с компрадорской буржуазией и разложившимся чиновничьим аппаратом, которые при помощи создания совместных предприятий выводят свои сверхдоходы в офшоры, позже представляя их в виде китайских инвестиций [15]. В рамках этой логики антикитайские протесты воспринимаются как проявление классовой борьбы, бунт угнетенного пролетариата и крестьянства против иностранных эксплуататоров и их прислужников-компрадоров.

Кроме того, антикитайскую риторику эксплуатируют и популистские движения, не имеющие четкой идеологической ориентации – такие, к примеру, как признанный экстремистской организацией «Демократический выбор Казахстана» беглого олигарха М.Аблязова, организовавший в 2019 г. в Алматы и Нур-Султане митинги против китайской экспансии [26].

Резюмируя, можно предположить, что антикитайские настроения в Казахстане будут нарастать и в дальнейшем: продолжающаяся борьба за власть внутри политической верхушки, попытки разыграть «китайскую карту» в условиях недовольства населения антипатриотической позицией элит представляют для этого благодатную почву.

Внешнее влияние

В ситуации, когда казахстанские элиты не могут и не хотят справиться с реальными причинами синофобии, представители власти регулярно делают туманные намеки на некие «внешние силы», которые

пытаются дестабилизировать ситуацию. При этом не следует закрывать глаза на реальное влияние извне на усиление антикитайских настроений. Главным заинтересованным игроком в данном случае являются США.

Их цели очевидны: муссирование темы притеснения этнических казахов в Синьцзяне может стать серьезным раздражителем в двусторонних отношениях, затруднив реализацию экономических проектов КНР в Казахстане. Показательно, что во время визита в Казахстан в феврале 2020 г. госсекретарь США М.Помпео демонстративно встретился с семьями этнических казахов, находящихся в китайских «лагерях перевоспитания» [27]. Эту линию вполне могут использовать прозападные группы в казахстанских элитах, рассчитывающие при помощи разжигания синофобии укрепить свое внутривластное влияние и развернуть Казахстан в сторону коллективного Запада, упирая на китайский экспансионизм и неспособность Москвы оказать помощь Казахстану в защите своего суверенитета.

На этом фоне достаточно парадоксально выглядят заявления отдельных казахстанских экспертов о том, что синофобию якобы инспирирует Москва, пытающаяся тем самым удержать Нур-Султан в сфере своего влияния [6]. Очевидная абсурдность этой идеи – конфликт между Москвой с одной стороны и Пекином и Нур-Султаном, с другой принесет России куда больше проблем, чем экономическое сближение Казахстана и Китая, – ее авторов не смущает.

Выводы для России

Анализ причин и динамики роста синофобии в Казахстане представляет интерес для России по двум причинам: во-первых, Россия сама является страной, в которой реализуются китайские проекты; во-вторых, одновременно она выступает как внешний центр силы в Центральной Азии, где ее интересы порой совпадают, но иногда расходятся с китайскими.

1. Для России вопрос синофобии стоит не столь остро, как для республик Центральной Азии; она куда меньше зависит от КНР экономически, обладает развитым военным потенциалом, ее суверенитету ничто не угрожает. Тем не менее нельзя исключить локальных всплесков антикитайских настроений в результате непродуманных действий местных элит. Как показывает практика Казахстана, наилучшим средством в этом случае является активная информационная работа с людьми, налаживание каналов связи с общественностью, отсутствие пропасти между региональными властями и населением.

2. Для того чтобы эффективно реализовывать свою политику в Центральной Азии, России необходимо четко определить свои приоритеты,

разработать на их основе долговременную стратегию действий в регионе и неуклонно ее придерживаться. Как показывают процессы, происходившие в последние десятилетия в СНГ, в противном случае действия Москвы воспринимаются как противоречивые и непродуманные, что дезорганизует сторонников пророссийской ориентации и приводит к смене политического курса на антироссийский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышева Д.Б. 2019. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. – *Мировая экономика и международные отношения*, № 5, с. 101-108.
2. Сыроежкин К.Л. 2016. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии. – *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, № 6, с. 104-122.
3. Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. 2018. Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски. – *Вестник международных организаций*, № 3, с. 128–142.
4. Талгат Мамырайымов: Казахстанские элиты боятся, что Китай может отобрать у них власть. – *Украина.ру*, 06.06.2020. URL: <https://ukraina.ru/interview/20200606/1027909112.html> (дата обращения 11.12.2020).
5. Сатпаев Д. Шесть причин антикитайских настроений в Казахстане. – *Forbes Kazakhstan*, 04.11.2019. URL: https://forbes.kz/process/expertise/shest_prichin_antikитайskih_nastroeniy_v_kazakhstan (дата обращения 11.12.2020).
6. Кулинцев Ю.В. Актуальны ли антикитайские протесты в Казахстане для российских интересов? – *РСМД*, 04.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktualny-li-antikитайskie-protesty-v-kazakhstan-dlya-rossiyskikh-interesov/> (дата обращения 11.12.2020).
7. Дубнов А.Ю. «Издравле китайские земли». Едва оправившись от эпидемии, Китай усилил давление на Центральную Азию. – *The Insider*, 29.04.2020. URL: <https://theins.ru/politika/216915> (дата обращения 11.12.2020).
8. Зуенко И., Кулинцев Ю., Мукамбаев А., Рахимов К. Антикитайские настроения на постсоветском пространстве. – *Россия в глобальной политике*, 09.11.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/antikитайskie-protesty-postsovet/> (дата обращения 11.12.2020).
9. В Казахстане растут антикитайские настроения. – *Pravda.ru*, 18.01.2019. URL: <https://www.pravda.ru/world/1404971-china/> (дата обращения 11.12.2020).

10. Разумов Я. Почему в Казахстане резко усилились антикитайские настроения. – *Профиль*, 11.01.2020. URL: <https://profile.ru/abroad/pochemu-v-kazahstane-rezko-usililis-antikitajskie-nastroeniya-210024> (дата обращения 11.12.2020).

11. Умаров Т. Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая. – *Московский центр Карнеги*, 28.10.2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80155> (дата обращения 11.12.2020).

12. Масанов Ю. Метро в Алматы и "Астана LRT": что на самом деле входит в список 55 казахстанско-китайских проектов. – *Inform Бюро*, 13.09.2019. URL: <https://informburo.kz/stati/metro-v-almaty-i-astana-lrt-chto-na-samom-dele-vhodit-v-spisok-55-kazahstansko-kitayskih-proektov.html> (дата обращения 11.12.2020).

13. Куатова Д. Риски внешнего долга Казахстана актуализируются. – *InBusiness.kz*, 15.04.2020 г. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/riski-vneshnego-dolga-kazahstana-aktualiziruyutsya> (дата обращения 11.12.2020).

14. Оразбекова А. В Казахстане больше всего иностранных рабочих из Китая и Индии – Минтруда. – *New Times*, 17.10.2019. URL: <https://newtimes.kz/obshchestvo/98847-v-kazahstane-bolshe-vsego-inostrannykh-rabochikh-iz-kitaya-i-indii-mintruda> (дата обращения 11.12.2020).

15. Айнуур Курманов: Китай действует в Казахстане как колонизатор, грабитель и поработитель. – *News Front*, 10.09.2019. URL: <https://news-front.info/2019/09/10/ajnur-kurmanov-kitaj-dejstvuet-v-kazahstane-kak-kolonizator-grabitel-i-porabotitel> (дата обращения 11.12.2020).

16. Что значит Китай для Казахстана? Цифры и факты. – *Forbes Kazakhstan*, 12.09.2019. URL: https://forbes.kz/process/expertise/chto_znachit_kitay_dlya_kazahstana (дата обращения 11.12.2020).

17. Президент Казахстана: Мы не называем то, что произошло в Крыму, аннексией. – *Deutsche Welle*, 2019. URL: <https://www.dw.com/ru/президент-казахстана-мы-не-называем-то-что-произошло-в-крыму-аннексией/a-51515035> (дата обращения 11.12.2020).

18. Розов М. Антикитайские настроения в Казахстане. Версии и факты. – *Ритм Евразии*, 15.09.2019. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-09-15--antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane.-versii-i-fakty-44863> (дата обращения 11.12.2019).

19. Мендкович Н. Кордайский погром и национальная политика Казахстана. – *Stan Radar*, 13.02.2020. URL: <https://stanradar.com/news/full/38291-kordajskij-pogrom-i-natsionalnaja-politika-kazahstana.html> (дата обращения 11.12.2020).

20. Исабаева С. Как в КНР реагируют на проявления антикитайских настроений в Казахстане? – *Central Asia Monitor*, 13.07.2018. URL: <https://camonitor.kz/31400-kak-v-knr-reagiruyut-na-proyavleniya-antikitayskih-nastroeniy-v-kazahstane.html> (дата обращения 11.12.2020).

21. Константинов А. Ермухамет Ертысбаев: В основе антикитайских митингов лежит невежество. – *Informburo.kz*, 05.09.2019. URL: <https://informburo.kz/interview/ermuhamet-ertysbaev-v-osnove-antikitayskih-mitingov-lezhit-nevezhestvo.html> (дата обращения 11.12.2020).

22. Враги и союзники Токаева. На кого президент Казахстана собирает компромат? – *K-News*, 06.11.2020. URL: <https://knews.kg/2020/11/06/vragi-i-soyuzniki-tokaeva-na-kogo-prezident-kazahstana-sobiraet-kompromat/> (дата обращения 11.12.2020).

23. Вааль Т. Ведете себя как руководители княжеств: Токаев о встречах акимов с инвесторами. – *Власть*, 15.07.2019. URL: <https://vlast.kz/novosti/34351-vedete-seba-kak-rukovoditeli-knazestv-tokaev-o-vstrecah-akimov-s-investorami.html> (дата обращения 11.12.2020).

24. Ким Е. Грозин: будущая личная гвардия Токаева пока во «втором эшелоне» власти. – *ИАЦ*, 2020. URL: <https://ia-centr.ru/experts/evgeniya-kim/grozin-budushchaya-lichnaya-gvardiya-tokaeva-poka-vo-vtorom-eshelone-vlasti/> (дата обращения 11.12.2020).

25. Антикитайские митинги в Казахстане выгодны племяннику Назарбаева — версия. – *Eurasia Daily*, 05.09.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/05/antikitayskie-mitingi-v-kazahstane-vygodny-plemyanniku-nazarbaeva-versiya> (дата обращения 11.12.2020).

26. Джорбенадзе И. Почему китайцы не всем «братья навек»? – *Росбалт*, 05.11.2019. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2019/11/05/1811377.html> (дата обращения 11.12.2020).

27. Масанов Ю. Зачем Майкл Помпео приезжал в Казахстан? – *InformБюро*, 04.02.2020. URL: <https://informburo.kz/stati/zachem-maykl-rompeo-priezzhal-v-kazakhstan.html> (дата обращения 11.12.2020).